Ответственность за каждую подпись

Справка:
Николай Белихов – 61 год. Место рождения – Костромская область, место учебы – Ярославль, первое место работы – город Галич Костромской области, терапевтом в местной больнице. Там же стал работать судмедэкспертом. В 1979-м переехал в город Припять, где работал патологоанатомом в городской больнице Припяти. После аварии на ЧАЭС в 1986 году работал в Иванкове и Белой Церкви, а в 1988 году приехал в Славутич. С этого года работает патологоанатомом в МСЧ–5 и на полставки судмедэкспертом. Женат, имеет трех сыновей и дочь. Жена работает вместе с ним.

Когда журналисты рассказывают о профессии медика, то обычно в поле зрения попадают хирурги, кардиологи, травматологи и другие «героические» специальности. Но когда на торжественной встрече в зале торжественных обрядов городского совета Славутича среди награжденных лентой и медалью городского председателя «За исключительные заслуги» прозвучала фамилия патологоанатома СМЧ–5 Николая Белихова, я вспомнил, как год назад на торжественном заседании его поздравляли с юбилеем, с 60-летием. Тогда весь зал взорвался овациями, когда прозвучали слова о награждении памятными часами. И вот новое награждение – Почетной лентой, которая занимает в табеле о городских наградах второе место.

– А как же вы стали патологоанатомом?

– Еще работая на родине, я поменял специализацию и перешел в судмедэкспертизу. Решение это было обдуманным. Я привык отвечать за свои слова и свои решения, а также за свою подпись, которую я ставлю под диагнозом больного. А в больнице я столкнулся с явлением вышестоящей подписи, то есть когда заведующий отделением изменял диагноз больного, а лечить же мне. В судмедэкспертизе подпись врача, его решение могут быть изменены только тогда, когда на основании другой экспертизы будет доказана ошибка первого судмедэксперта. Поэтому профессионализм, точность и аккуратность в нашей работе играют очень большую роль. Это можно сказать о работе патологоанатома. Я все время старался повышать свой профессиональный уровень. Я и сейчас, во время проведение экспертизы или выполняя работу патологоанатома, не боюсь обратиться за советом к другим медикам. Периодически мы проходим курсы повышения квалификации. В 1979 году, во время курсов в Киевском институте повышения квалификации врачей на кафедре судебно-медицинской экспертизы, мне и предложили остаться работать в Киевской области и предоставили на выбор несколько мест работы, среди которых были Чернобыль и Припять. Когда мы приехали в Припять, я для себя решил, что буду здесь работать. И с 1979 года стал работать заведующим Чернобыльской судебно-медицинской экспертизы, которое обслуживало Чернобыльский район и город Припять. Наша база была в городе Припять при МСЧ. Проработал я там до 29 апреля 1986 года. Как помните, 26 апреля произошла авария на ЧАЭС, и в эти дни я входил в оперативно-следственную группу. Еще утром 29 апреля я проводил судебно-медицинскую экспертизу тела одного из погибших на 4-м энергоблоке, а вечером одним из последних покинул Припять. Вечером был в Чернобыле, а потом в Иванкове, в больнице. Сюда спустя несколько дней приехали специалисты по радиологии из Киева, которые и направили 120 человек на лечение в Киевский институт радиологии. Там пробыл до 25 мая, потом был отпуск, а потом Иванковский морг. Обслуживали Иванковский, Полесский, Чернобыльский районы. Работы было много. Случались и травмы, и автодорожные происшествия, приходилось и побои снимать. Потом меня перевели работать в Белую Церковь судмедэкспертом, а жилье дали в Фастове. У нас уже были маленькие дети, а приходилось почти каждый день ездить на электричке на работу. Так длилось около двух лет. Потом появилась возможность приехать сюда. Сначала жил на теплоходе «Россия», потом в общежитии Московского квартала, а в канун 1989 года получил коттедж и привез семью и больную мать. С тех пор вместе с женой работаем в Славутиче. До Славутича я в основном работал судмедэкспертом и по совместительству патологоанатомом, а здесь в МСЧ–5 нет ставки эксперта, а только патологоанатома. Прошел специализацию по патанатомии в Киеве – и меня назначили патологоанатомом в медсанчасть и приняли на полставки в Киевское областное бюро судебно-медицинской экспертизы.

– Николай Николаевич, вы, верно, подметили, что я волновался, когда вошел в ваше хозяйство. Не часто приходится беседовать в помещении морга. Скажу честно: это у меня первый раз. А как вам работается? К философии не располагает?

– Действительно в Славутиче я работаю заведующим паталогоанатомическим отделением больнице и судмедэкспертом на полставки. Свыкнуться с этой работой помогает учеба в институте, где с первого курса нас приучают к анатомичке. Каждый медик, изучая все предметы, психологически подготавливается к будущей работе. Наша работа, как пата, так и судмедэксперта, больше связана не с теми, кто ушел из жизни, а с живыми людьми. Судебно-медицинская экспертиза помогает уточнить происшедшее событие, вследствие которого пострадал или погиб человек. Необходимое вскрытие помогает определить, какими заболеваниями страдал человек. Трудно всегда общение с родными покойного, требуется особый такт, внимательность, доброта, умение найти линию общения с людьми, гнетенным горем. Общение с этими людьми, наблюдения, с какими они сталкиваются трудностями, привело меня к мысли о создании частной фирмы по оказанию ритуальных услуг. Судмедэксперт – это профессия, которая испытывает давление со всех сторон. Простой пример. Несколько лет назад похоронили человека, потом приезжает один из родственников и требует эксгумации и проведения повторной экспертизы. Что послужило поводом? Оказывается, этот родственник встречался с экстрасенсом и последний сказал, что похоронили не того человека. Начинаются письма во все инстанции. Во время судебных разбирательств у обвиняемых и пострадавших своя правда, так же, как и у следователя и адвоката, а должна восторжествовать истина. Вот обе стороны и пытаются прессовать эксперта, чтобы добиться необходимого результата. Бывает, что от результатов экспертизы или патологоанатомического вскрытия человека зависит благополучие его родственников. Возьмём производственные травмы: от их объективных исследований и выводов экспертизы во многом зависит квалификация происшествия, а, следовательно, и материальная помощь пострадавшему или его родственникам. Поэтому еще раз повторюсь, что в нашей работе не может быть халатности и безответственности, а отсутствие знаний и опыта в проведении экспертизы отдельного особого случая должно быть компенсировано звонком коллегам и уточнением спорного или непонятного момента.

– А для получения нужного результата не предлагали отблагодарить или, проще говоря, дать взятку?

– Еще работая в Чернобыле, я получил предложение принять в подарок автомобиль за желаемый результат экспертизы, но Бог миловал от соблазна. С чистой совестью легче работать. Наверное, поэтому я и работаю в этой области медицины больше 30 лет.

– Николай Николаевич, у вас большая дружная семья. А кто еще из членов семьи имеет отношение к медицине?

– Я уже сказал, что многие годы рядом со мной работает жена Вера Геннадьевна, зять. Средний сын работает в больнице скорой помощи. Очень надеюсь, что в ближайшее время он заменит меня на этом посту.

Слушая его рассказ, я подумал о народной истине «Не место красит человека, а человек – место». Славутчане знают Николай Николаевича не только как медицинского работника, но и как депутата первого созыва городского совета Славутича.

Вадим ИВКИН